

УДК 82.091

## ЗАЯЦ-СТРАДАЛЕЦ В СТИХАХ ДЛЯ САМЫХ МАЛЕНЬКИХ (АГНИЯ БАРТО, ИВАН НЕХОДА, РАФИС КУРБАН)

© Ю.В.Доманский

В статье рассматривается образ поврежденного зайца в стихах для малышей русского поэта Агнии Барто, украинского поэта Ивана Неходы и татарского поэта Рафиса Курбана. Доказывается, что поврежденный игрушечный заяц является весьма репрезентативной фигурой для того, чтобы реализовать мотив игры, основанный на пробуждении у ребенка чувства жалости.

**Ключевые слова:** детская литература, стихотворные циклы, игра, лирический субъект.

Илья Ильф и Евгений Петров в книге «Одноэтажная Америка» сравнили североамериканского кинозрителя 1930-х годов с ребенком: «Американские зрители из года в год фактически смотрят одно и то же. Они так к этому привыкли, что, если преподнести им картину на новый сюжет, они, пожалуй, заплачут, как ребенок, у которого отняли старую, совсем истрепавшуюся, расколовшуюся пополам, но любимую игрушку» [1: 350]. В этом сравнении меня заинтересовало не столько то, что сравнивается, сколько вторая часть, с чем сравнивается: ребенок, теряющий сломанную игрушку. И действительно, почему игрушка в ряде случаев должна быть непременно не новой, а изломанной или хотя бы поврежденной? Как-то раз мне уже довелось обратиться к некоторым экспликациям игрушечных персонажей такого типа в поэзии для детей (см.: [2]), и предлагаемая сейчас работа – закономерное продолжение этой, довольно-таки уже давней статьи.

Тогда я сравнил два поэтических цикла для малышей: «Игрушки» Агнии Барто и «Мої ляльки» украинского поэта Ивана Неходы (1910-1963). Оказалось, что оба цикла объединяет не только то, что в них центральными персонажами оказываются игрушки, но прежде всего то, что повышенное внимание уделяется игрушке в той или иной степени поврежденной<sup>1</sup>. Все помнят хрестоматийные стихотворения Барто про зайку, мишку, бычка... Близки им и сломанные персонажи Неходы: у Петрушки пришитый нос, у зайчика лиса отгрызла хвостик, а мишка сломал

ножку... Впрочем, в цикле Агнии Барто игрушки не только поврежденные, но я не стану сейчас подробно говорить о многогранности «Игрушек» Барто, поскольку для данной работы мне важно прежде всего одно из стихотворений, где игрушка пострадала – это стихотворение «Зайка»: «Зайку бросила хозяйка, –/ Под дождем остался зайка./ Со скамейки слезть не мог,/ Весь до ниточки промок [3: 19].

Итак, игрушечный зайка испорчен. И ничего в этом криминального или даже удивительного нет. Еще Ю.М.Лотман писал о том, что «детская», «фольклорная», «архаическая» аудитория в противовес «взрослой» «относится к тексту как участник игры: кричит, трогает, вмешивается, картинку не смотрит, а вертит, тыкает в нее пальцами, говорит за нарисованных людей, в пьесу вмешивается, указывая актерам, бьет книжку или целует ее», что в этом случае «вся активность сосредоточена в адресате, роль передающего имеет тенденцию сокращаться до служебной, а текст – лишь повод, провоцирующий смыслопорождающую игру <...>. Кукла требует не созерцания чужой мысли, а игры» [4: 377, 378]. В этой связи уместно привести и стихотворение Ивана Неходы «Зайчик»: «А це – зайчик-стрибунець,/ Він дрижить, як холодець,/ Хоче зайчик слово взяти,/ Хоче зайчик розказати,/ Що лисичка хитра, грізна/ Йому хвостика одгризла...» [5: 11].

Разумеется, проблемы литературного зайчика не ограничиваются только этими двумя стихотворениями – «Зайкой» Барто и «Зайчиком» Неходы. Приведем еще некоторые примеры и начнем с зайца не игрушечного. Вспомним, например, классическое стихотворение Ф.Миллера из цикла «Подписи к картинкам» (1851): «Раз-два-три-четыре-пять,/ Вышел зайчик погулять;/ Вдруг охотник прибегает,/ Из ружья в него стреляет.../ Пиф-паф! Ой-ой-ой!/ Умирает зайчик мой!» [6: 146]. Из более поздних стихов укажу на «Зайнку» К.Бальмонта («...Зайнку в садике са-

<sup>1</sup> Укажу здесь, что игрушка, в том числе и игрушка поврежденная, присутствовала, разумеется, и у поэтов, творивших до Барто и Неходы: тут и стихотворение «К дитяти» (1816) М.Хераскова, и «Бобина лошадка» (1913) и «Про Катюшу» (1920) Саши Черного, и цикл А.В.Ширяевца «О чем думают игрушки» (1923), и «Тряпичная кукла» (1915) и «Бунт кукол» (1924) С.М.Городецкого, и «Игрушки в лес убежали» (1924) А.И.Оношкевича и Е.В.Малкиной и др.

довник увидал./ Выстрелил в зайчика, выстрел не попал...» [6: 497]) и на «Зайчика» А.Блока («...Бедный зайчик прыгает/ Возле мокрых со-сен./ Страшно в лапы волку/ Серому попасть...» [6: 516]). Из зайчиков же игрушечных вспоминается «Зайка в витрине» все той же Агнии Барто: «Зайка сидит в витрине./ Он в серенькой шубке из плюша./ Сделали серому зайке/ Слишком длинные уши./ В плюшевой шубке серой/ Сидит он, прижавшись к раме./ Ну как тут казаться храбрым/ С такими большими ушами?» [7: 44]. Вспомним и стихотворение Барто «Я выросла»: «Заяц нужен мне самой –/ Ничего, что он хромой».

Как видим, судьба зайчика – и настоящего, и игрушечного – в поэзии для самых маленьких незавидна. И в стихотворении «Потерпи!» из цикла «Мои игрушки» современного татарского поэта Рафиса Курбана игрушечный зайчик тоже оказался поврежден: «У зайца беда/ Приключилась со слухом.../ Как плохо, когда/ Ты с оторванным ухом./ Стихами любил я/ Тебя развлекать./ Неужто начать/ Что есть силы/ Кричать?/ Нет, ты потерпи!/ Скоро мама придет –/ И накрепко ушко/ Игрушке/ Пришьет» (Пер. С.Малышева) [8: 130].

Однако, прежде чем рассматривать это стихотворение в контексте стихотворений о поврежденных игрушечных зайцах Агнии Барто и Ивана Неходы, считаю нужным остановиться на цикле «Мои игрушки» Рафиса Курбана. Если следовать книге «Куда уходит ночь?», то в этот цикл входят 14 стихотворений. И среди стихов Курбана про игрушки достаточно большой процент игрушек в той или иной степени поврежденных. Мы уже процитировали стихотворение «Потерпи!», вот еще примеры (все стихи в пер. С.Малышева): «На шкафу у нас/ Давно лежит гармонь./ Кто чихать от пыли хочет –/ Только тронь! <...> От безделья разучилась петь она, –/ Тренировка/ Даже кнопочкам нужна...» («Гармонь-неумейка» [8: 141]); «Взял гармошку в руки я./ Перебрал все кнопки я.../ Но не слушает меня/ Непокорная моя!/ Пробовал я целый день./ Не выходит – хоть убей!/ Вместо песен – дребе-день/ У гармошечки моей./ Иногда она шипит./ Временами же – трещит./ Симпатичная на вид./ Вдруг, как кошка, завизжит!/ Раздается и нытье./ И противное вытье.../ Видно, папа в магазине/ Без мелодий взял ее!» («Гармонь без мелодий» [8: 142]); «Папа/ Нынче в день рожденья/ Подарил мне/ Автомат:/ – Испытай/ Без промедленья./ Ты у нас теперь –/ Солдат./ Испытал его/ На деле, –/ Две недели/ Я стрелял.../ Жалко./ Битвы отшумели.../ Я оружие/ Сломал» («Автомат» [8: 139]); «Мячик – суший хулиган./ Слово он не

друг, а враг./ Закатился под диван./ Не достать его никак» («Мячик» [8: 136]); «Шустрый мячик в воду прыг!/ Я сейчас же поднял крик./ Утешают: “Эй, не плачь!/ Не утонет в речке мяч”./ Я бы плакать перестал./ Если б кто его достал./ Нет, ко дну он не пойдет –/ Уплывет за поворот!» («Мячик в беде» [8: 137]); щенком оказался «Изгрызен даже слон» («Ему бы все играть», [8: 131]); куклы в магазине «Пуще прежнего грустят, –/ Лица, может, и смеются./ Но у всех унылый взгляд» [8: 143]; кукла может даже заплакать, как в стихотворении «Кукла» [8: 127].

Впрочем, не все игрушки в мире Курбана с «отклонениями». Так, в полном порядке ружье («Мое ружье» [8: 138]), большинство зверей Каюма («Ему бы все играть» [6: 131]), кукла девочки Гульсум («С днем рождения, сестренка!» [8: 128 – 129]). Встречаются в разделе «Мои игрушки» из книги Курбана и стихи, посвященные игрушкам живым – тут и щенок («Подарок сам меня нашел» [8: 132]), и котенок («Жаль котенка» [8: 133]), и даже обезьянка («Подарите мне обезьянку» [8: 134 – 135]). Однако и в мире животных все отнюдь не гладко: щенок и обезьянка – не более чем детские мечты, а котенка не разрешают взять в детский садик.

Таким образом, мир игрушек в поэзии Рафиса Курбана характеризуется амбивалентностью, сочетанием нормальных игрушек и игрушек, характеризующихся теми или иными отклонениями от нормы. И важное место в этом мире занимает поврежденный заяц.

Напомню, что до этого поврежденных игрушечных зайцев мы с вами видели в еще двух национальных поэтических традициях – в русских и украинских стихах для самых маленьких: у Агнии Барто и Ивана Неходы. Попробуем соотнести три стихотворения о поврежденном игрушечном зайце через специфику повреждения и через его причину. В стихотворении Барто заяц стал жертвой детской беспечности, невнимательности, в результате чего «весь до ниточки промок». У Ивана Неходы повреждение носит локальный характер – у зайки отгрызен хвост; но вот источник этого повреждения лежит не в мире людей, а в мире игрушек, по большому счету – в мире детской игры: хитрая лиса, отгрызшая хвостик зайке, тоже, думается, игрушечная, а не настоящая. Можно даже смоделировать ситуацию, когда у игрушечного зайца по каким-либо причинам отвалился хвост, а ребенок обыграл случившееся, представив, что хвостик отгрызла игрушечная лиса. У Рафиса Курбана с зайцем случилось то, что в игрушечном мире и должно, скорее всего, случаться с зайцем – у него оторвалось ухо. В этом происшествии нет ничего уди-

вительного, потому что если попросить ребенка назвать самую характерную особенность внешнего облика зайца, то ребенок, вероятнее всего, ответит, что это длинные уши. Посему и оторванное ухо может считаться своего рода «фирменным знаком» игрушечного зайца. И «событийный ряд» стихотворения «Потерпи!» довольно-таки предсказуем: у зайца оторвано ухо, но повреждение отнюдь не фатально – придет спасение в лице мамы, то есть гармония, нарушенная с повреждением игрушки, будет вскоре восстановлена. Такая перспектива существенно отличается стихотворение Курбана от стихотворений о поврежденном зайце Барто и Неходы. У русского и украинского поэтов констатировалось повреждение, но выход из ситуации в сторону восстановления гармонии не был даже намечен; у Курбана перспектива однозначна и оптимистична (хотя и решена в будущем времени).

Описанное отличие соотносится и со спецификой субъектной организации стихотворения Курбана «Потерпи!». Субъект в «Зайке» Агнии Барто неэксплицирован. В классификации С.Н.Бройтмана такой тип лирического субъекта называется автором-повествователем («высказывание принадлежит третьему лицу, а субъект речи грамматически не выражен» [9: 145]). То есть в «Зайке» Барто мы имеем дело со своего рода сторонним взглядом на проблему. В «Зайчике» Неходы формально перед нами тот же самый тип субъекта – автор-повествователь. Однако субъектная организация этого стихотворения существенно осложнена включением косвенной речи персонажа-игрушки, реплики, которую заяц готов потенциально сказать: «Хочет зайчик слово взять,/ Хочет зайчик розказати,/ Що лисичка хитра, грізна/ Йому хвостика одгризла...». Молчание неходовского зайчика (хочет, но не говорит) может быть обусловлено и страхом, столь характерным для зайца в сказках, и игрушечной природой этого зверька: игрушка хотела бы что-то сказать своему хозяину, но не может сделать этого, и тогда ребенок делает это за игрушку, по сути, эта для ребенка тоже игра – говорить за игрушку или предполагать, что игрушка могла бы сказать в той или иной ситуации.

В стихотворении Курбана субъект, согласно все той же классификации С.Н.Бройтмана, может быть обозначен как собственно автор – «в отличие от автора-повествователя *собственно автор* имеет грамматически выраженное лицо и присутствует в тексте как “я” или “мы”, которому принадлежит речь <...>, но именно картина и ее переживание, а не сам переживающий здесь в центре внимания» [9:145 – 146]. Действительно, субъектом стихотворения является ребенок, хо-

зяин игрушечного зайца; беда же приключилась с зайцем, которому слово не дано. Впрочем, такая однозначная трактовка субъекта в стихотворении «Потерпи!» не может быть исчерпывающей: очевидно, что и здесь, как и в стихотворении Неходы «Зайчик», присутствует элемент речевой игры ребенка и игрушки – беда приключилась не с зайцем, а с его хозяином, который переживает повреждение любимой игрушки. Тогда и тип субъекта уже не собственно автор, а (в терминологии все того же Бройтмана) лирическое «я» (то есть выражен с помощью местоимений первого лица с «прямо оценочной точкой зрения» [9: 146]), а во главу угла ставится мир ребенка, страдающего от поломки игрушечного друга, но твердо верящего, даже твердо знающего, что страдания закончатся, как только вернется мама. В итоге получается, что все три стихотворения – Барто, Неходы и Курбана – при всех их важных отличиях объединяет не только реализация образа поврежденного игрушечного зайца, но и реализация мотива игры.

Мотив игры в «Зайке» Агнии Барто сводится к тому, что девочка, бросившая игрушку под дождем, должна ощутить себя ответственной за случившееся, ведь заяц полностью в ее власти и сам не может слезть со скамейки. В итоге маленький читатель понимает, что девочка поступила неправильно – она должна теперь вернуться и пожалеть своего игрушечного питомца, то есть в основе игры тут лежит жалость. На жалости основан и мотив игры в «Зайчике» Ивана Неходы: в этой игре ребенок жалеет беднягу зайчика, которого в будущем готов защищать от хитрой и грозной лисы. Жалеет поврежденного зайца и субъект стихотворения «Потерпи!» Рафиса Курбана; а вместе с мальчиком – хозяином зайца – пожалет игрушку и читатель. И тогда убеждаемся, что именно поврежденный заяц оказывается самым лучшим объектом для детской жалости: бедный, маленький, несчастный, страдающий...

Таким образом, поврежденный игрушечный заяц в поэзии для самых маленьких оказывается в итоге весьма репрезентативной фигурой для того, чтобы реализовать мотив игры, суть которой – пожалеть несчастного страдальца, а в итоге – научить ребенка быть жалостливым, особенно – к близким, к тем, кому так не хватает порою нашей жалости. Думается, что такой взгляд можно распространить и на все прочие поврежденные игрушки, за которые малыш в ответе, однако именно заяц из всей парадигмы таких игрушек способен вызвать наибольшую жалость; поэтому данный персонаж и оказался так востре-

бован в различных национальных традициях поэзии для малышей.

\*\*\*\*\*

1. Ильф И., Петров Е. Одноэтажная Америка. – М.: АСТ, М.: Зебра Е, 2010.– 464 с.
2. Доманский Ю.В. Поврежденная игрушка в стихотворных циклах для самых маленьких Агнии Барто и Ивана Неходы // От... и до...: Юбилейный альманах в честь Е.В.Душечкиной и А.Ф.Белоусова. – СПб.: Бельведер, 2006.– С. 99 – 118.
3. Барто А. Собр. соч.: в 3 т.– М.: Детская литература, 1970. – Т.1. – 402 с.
4. Лотман Ю.М. Куклы в системе культуры // Лотман Ю.М. Избр. ст.: в 3 т. Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллин: Александра, 1992. – Т. 1. – С. 377 – 380.
5. Нехода І. Веселі каруселі. – Київ: Дитвидав, 1955. – 14 с.
6. Русская поэзия детям. – Л.: Сов. пис., 1989. (Библиотека поэта. Большая серия). – 768 с.
7. Барто А. Мы с Тamarой.– М.: Росмэн, 1996.– 128 с.
8. Курбан Рафис. Куда уходит ночь? Стихи для детей. – Казань: Татар. книж. изд-во, 2007. – 239 с.
9. Бройтман С.Н. Лирический субъект // Введение в литературоведение. – М.: Высш. шк., 2000. – С.141 – 153.

## HARE-SUFFERER IN THE VERSES FOR THE LITTLE ONES (AGNIA BARTO, IVAN NEKHODA, RAFIS KURBAN)

**J.V.Domanski**

The article examines the damaged hare in the verses for kids by Russian poet Agnia Barto, Ukrainian poet Ivan Nekhoda and Tatar poet Rafis Kurban. It is proved that the damaged toy hare is a highly representative figure in order to realize the motive of the game based on the awakening of child's sense of pity.

**Key words:** children's literature, poetry cycles, game, lyrical subject.

\*\*\*\*\*

**Доманский Юрий Викторович** – доктор филологических наук, профессор кафедры теории литературы Тверского государственного университета.

E-mail: p000278@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.06.2012